№ 2221
Р 20/1106
80/57

ТЕРРОРИЗМЪ

и

РУТИНА

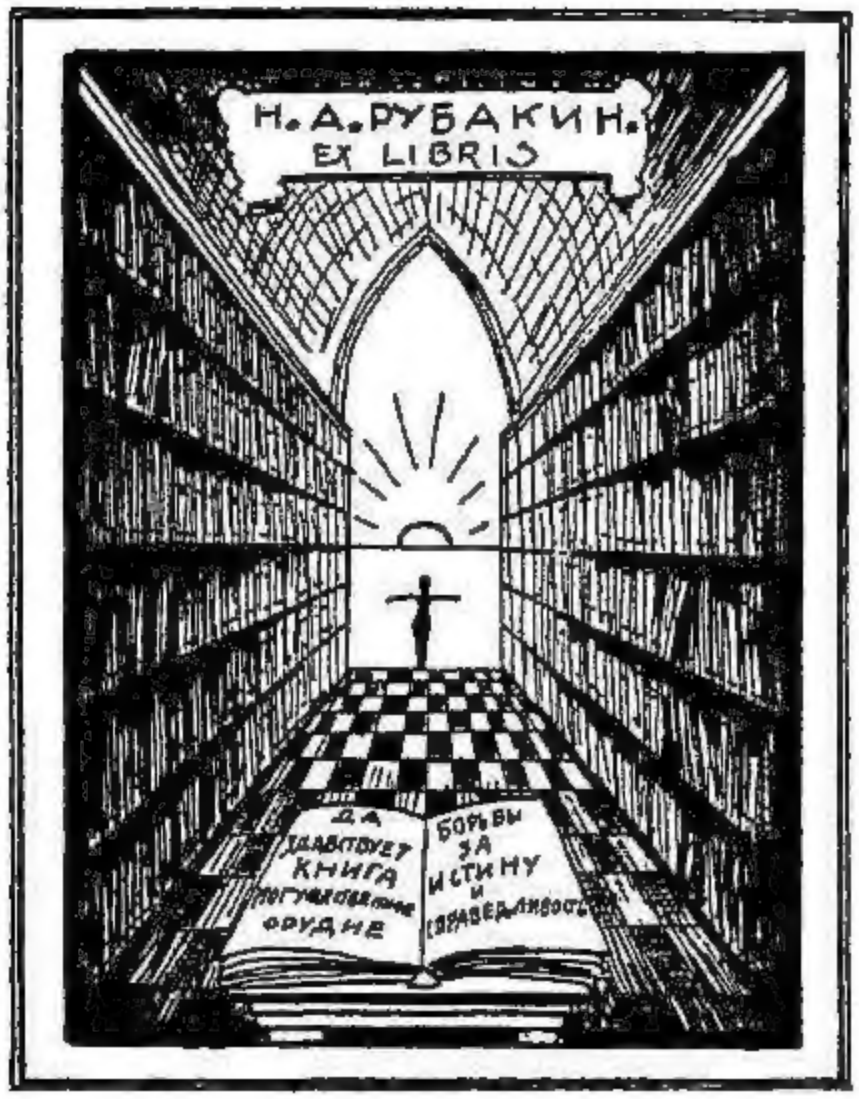
(По поводу полемики г. Драгоманова съ „Голосомъ")

В. ТАРНОВСКАГО

I

ЛОНДОНЪ

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И

2007059329

Р 20
№ 1163

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

115540-48

ТЕРРОРИЗМЪ И РУТИНА

(По поводу полемики г. Драгоманова съ „Голосомъ“)

Les secrets de l'organisme sociale sont lettre close pour l'homme dont les passions et les prejugés offusquent le cerveau. *P. J. Proudhon.*

I.

„Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“ — говорили когда-то граждане великой республики. Тоже самое, но „съ другого конца,“ мы наблюдаемъ въ настоящее время въ Россіи. Здѣсь о чемъ-бы вы ни заговорили въ области такъ называемой внутренней политики, вы непремѣнно придете къ терроризму, — своеобразной формѣ революціи, охватившей русскую монархію. Надежды и любовь однихъ, злоба и проклятія другихъ, недоумѣніе третьихъ, — все сосредоточилось на терроризмѣ.

Недавно, либеральный „Голосъ“ и радикальный Драгомановъ затѣяли полемику по поводу того же терроризма. Расходясь во многомъ, они согласились въ отрицаніи его. Конечно, эта полемика не-террористовъ о терроризмѣ мало интересна, и мы, особенно при недостаткѣ времени, не обратили бы на нее вниманія, если бы здѣсь не отражалось цѣлое общественное явленіе, гдѣ сотрудники „Голоса“ и г. Драгомановъ являются лишь представителями различныхъ направленій.

Въ чемъ же дѣло? — спросимъ мы въ свою очередь, но дадимъ отвѣтъ болѣе обстоятельный, чѣмъ даетъ авторъ „Терроризма и Свободы".

Обѣдненіе Россіи, давно уже начавшееся, стало особенно рѣзко проявляться въ царствованіе послѣдняго, къ несчастію и нынѣ благополучно царствующаго, русскаго самодержца. Причины этого явленія усмотрѣть не трудно. Къ экономической жизни страны привитъ ядъ буржуазныхъ отношеній Запада, и рядомъ съ этимъ, въ политическомъ строѣ, сохранено все безобразіе восточнаго деспотизма. Неудивительно, если въ результатѣ такого морганатическаго союза Востока съ Западомъ получилось обѣдненіе всѣхъ сословій и классовъ, а особенно класса производительнаго, гдѣ обѣдненіе обратилось въ непрерывный голодъ.

Рядомъ съ этимъ, въ исторіи Россіи стало замѣтно явленіе другого свойства: пробужденіе общественнаго сознанія и появленіе интеллигенціи, какъ серьезной общественной силы. Русскіе монархи, привыкшіе издавна смотрѣть на страну, какъ на свое рабовладѣльческое хозяйство, стали сразу коситься на эту новую силу, сознавая, что она рано или поздно, „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ" начнетъ подрывать самодержавіе. И дѣйствительно, первое энергичное проявленіе интеллигенціи въ лицѣ Декабристовъ было направлено прямо противъ престола. Съ тѣхъ поръ глухая борьба двухъ силъ — деспотизма и интеллигенціи — не прекращалась въ Россіи. Обострилась она при томъ же злополучномъ Александрѣ II.

Еще въ началѣ его царствованія, Николай Гавриловичъ Чернышевскій былъ сосланъ на каторгу, гдѣ содержится до сихъ поръ, за то только, что прямѣе другихъ выступилъ въ защиту народа и посмѣлъ быть честнымъ и вліятельнымъ мыслителемъ. Царь не проститъ ему этого.

Исторіи Щапова, Михайлова, Флеровскаго были отдѣльными эпизодами этой борьбы.

Но вотъ интеллигентная молодежь, видя роскошь, разврать и апатію рядомъ съ нищетою и горемъ, не смогла равнодушно пройти мимо безнадежно-понурыхъ головъ, мимо страдальческихъ лицъ роднаго народа. Отрѣшившись

отъ привычекъ и интересовъ своей среды, она захотѣла подать народу руку помощи.— Много было гуманнаго, святаго въ этомъ движеніи! Но не такъ взглянулъ на дѣло царь.—Слiяніе интеллигенціи съ народомъ?! Не грозитъ ли это подорвать невѣжество народа, а за нимъ всѣ основы существующаго государственнаго и общественнаго безобразія? Всѣ власти, отъ бога установленныя, были спущены со своръ, и началась Варѳоломеевска ночь, которая длится вотъ уже цѣлое десятилѣтіе. Интеллигентная молодежь 70-хъ годовъ была затравлена, и тѣ, которые попали въ руки царскихъ слугъ, были частью задушены во время предварительнаго заключенія, частью брошены въ центральныя тюрьмы и рудники, или затерялись въ Восточной Сибири.

Но молодая, не окрѣпшая еще, но энергическая интеллигенція, преслѣдуемая много лѣтъ, схватилась, наконецъ, за револьверъ и кинжалъ, чтобы въ смертельной борьбѣ отстоять жизнь народа и свое собственное существованіе. И началась на глазахъ у всей Европы, у всего цивилизованнаго міра почти невиданная въ исторіи борьба: съ одной стороны — свирѣпое чудовище мрака и деспотизма, а съ другой — молодая сила, представляющая интересы народа и требованія времени.

Сурово и искусно наносила она свои удары, а чудовище металось, свирѣпѣло и напрягало всѣ свои силы. Вотъ, наконецъ, послѣднее усиліе: вся Россія объявлена въ осадномъ положеніи. Настало затишье. Деспотизму показалось, что онъ побѣдилъ, и тутъ предстала страшная картина оскорбляемаго общества,— обезумѣвшаго, захлебывавшагося въ упоеніи побѣдой произвола. Кто жилъ въ это время въ Россіи, никогда не забудетъ возмутительныхъ преступленій, совершенныхъ въ недолгій періодъ Александромъ II и его опричниками.

Одни только шпіоны могли быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Честные и развитые люди объявлены внѣ всякихъ законовъ. При слѣдствіи задаются прежде всего вопросы: развитой ли N человѣкъ? читалъ ли книги? и пр. И если слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ, является крупная улика, достаточная сама по себѣ для административной высылки.

Профессора и студенты отданы подъ надзоръ полиціи; университеты съ лихорадочной поспѣшностью преобразовываются въ казармы..... Тутъ-то русское самодержавіе показало, что оно понимаетъ подъ пресловутымъ „путемъ мирнаго развитія," который, по словамъ прокуроровъ, долженъ наступить послѣ уничтоженія „крамолы." Отвѣтомъ на эти преступленія было 19 Ноября. Царь былъ пораженъ, смущенъ, испуганъ. „Они ушли въ землю!" съ ужасомъ заговорили кругомъ, — и снова начинается борьба. Снова слышатся вопли, стоны и слезы..... Намъ извѣстенъ фактъ, гдѣ искренніе люди изъ публики плакали по русской свободѣ, когда послѣ геройской борьбы за типографію былъ распущенъ слухъ, что арестованы главные дѣятели и что правительство празднуетъ побѣду. Такъ точно, еще предъ 19 Ноября, въ Одессѣ, когда въ университетѣ стали упраздняться науки, а Панютинъ держалъ подъ ружьемъ полкъ солдатъ, обѣщая „разнести университетъ штыками, если не прекратятся сходки," студенты, собравшись въ аудиторіи, расходились со слезами на глазахъ. То были слезы по погребаемой наукѣ, по Россіи оскорбленной, униженной, задавленной руками палачей.....*)

Да, то было ужасное время! И счастливъ народъ, у котораго нашлось достаточно силъ для энергичнаго отпора.

Ударъ 5 Февраля, нанесенный террористами, былъ настолько ощутителенъ, что привелъ въ смятеніе не одну Россію. Всѣ поняли, что тутъ уже не „крамола," которую можно искоренить, а настоящая революція, — новая, своеобразная, непредвидѣнная русскими государственными людьми, но тѣмъ болѣе опасная, что, дѣйствуя во имя потребностей общества, она направляетъ свои удары прямо противъ виновниковъ его страданій.

*) Въ Одессѣ каннибалы реакціи доходили до невѣроятнаго осатанѣнія. Панютинъ выражался въ обществѣ, что, по его мнѣнію, всю теперешнюю „зараженную, такъ называемую интеллигентную, молодежь нужно услать въ Сибирь, вырѣзать и вывѣшать. Быть можетъ, при этомъ погибнутъ девять десятыхъ невинныхъ, но общественный строй будетъ спасенъ." Эти „дѣятели" настолько соотвѣтствовали вкусамъ царя, что онъ, въ бытность свою въ Ливадіи, Тотлебена пожаловалъ графомъ, а Панютина статсъ-секретаремъ.

Деспотизму приходилось уступить. И хотя при этомъ онъ бормоталъ несвязно, что уступаетъ единственно для искорененія „смуты," всѣ однако понимали, что это говорится только pour sauver les apparences.

Дикая, неистовая реакція была обуздана. Начались даже кое-какія реформы.

Такова исторія и результаты начинающейся въ Россіи террористической революціи. Она окрѣпла, сознала свои силы, но цѣли своей еще не достигла. Она сдѣлала невозможными на будущее время свирѣпые раскаты самодержавія, какъ вещь для него опасную и, во всякомъ случаѣ, безполезную. Люди, сколько нибудь не лишенные разсудка, даже въ правительственныхъ сферахъ, поняли, что для россійскаго императорскаго дома миновала пора владѣть Россіей на прежнихъ азіатскихъ основаніяхъ*), — но это все ничтожные результаты. Причины, которыя привели Россію въ революціонное настроеніе, не измѣнились; нѣтъ, слѣдовательно, основаній и террористической партіи, выразительницѣ этого настроенія, складывать оружіе. И она не сложитъ его, пока не добьется для Россіи **политической свободы**, безъ которой немыслимъ нормальный ходъ народной жизни.

II.

Относительно политической свободы, не только у насъ, но и на Западѣ, существуетъ не мало недоразумѣній. Многіе склонны смѣшивать ее съ конституціей, понимая подъ этой послѣдней право народа принимать участіе, чрезъ депутатовъ, въ законодательствѣ страны. Это — заблужденіе, далеко не безвредное. Вѣдь „депутаты" легко могутъ декретировать политическое рабство, — какъ недавно и сдѣлали нѣмцы по требованію Бисмарка. Неужели же это рабство будетъ проявленіемъ политической свободы?

*) Profession de foi гр. Лорисъ-Меликова, опубликованное „Отечественными Записками," доказываетъ, что мы сочли русскія правительственныя сферы менѣе лишенными разсудка, чѣмъ оказывается на дѣлѣ. Графъ заявляетъ, что разсчитываетъ еще по меньшей мѣрѣ 7 лѣтъ толочь воду въ ступѣ, и убѣждаетъ прессу не мѣшать ему и не поддерживать въ обществѣ конституціонныхъ „иллюзій" (!).

Конечно, и право народа на выраженіе своей воли въ законодательствѣ является однимъ изъ элементовъ политической свободы, но элементомъ ничтожнымъ и даже вреднымъ, какъ всякая фикція, при отсутствіи другихъ, *основныхъ* элементовъ ея. На нихъ-то мы и остановимся для выясненія цѣлей и, пожалуй, „правъ“ терроризма и Исполнительнаго Комитета.

Мы попросимъ читателя обратить вниманіе на нѣсколько, въ сущности весьма простыхъ, вопросовъ. Почему нѣкоторыя народы, не смотря на парламентаризмъ, третируются правительствами совершенно деспотически? Затѣмъ: какая разница между конституціонной, но не свободной Германіей и конституціонной-же, но политически свободной Англіей?

Мы видѣли, какъ Бисмаркъ, желая поработить Германію, постарался лишить ее свободы общественнаго сознанія во всѣхъ проявленіяхъ: свободы печати, сходокъ и пр. Но согласитесь, не для того же онъ отнималъ у нѣмцевъ, напримѣръ, свободу сходокъ, чтобы они не сходились мирно, какъ частные люди, а потому только, что всѣ эти права имѣютъ политическое значеніе и притомъ настолько важное, что добившись своего, Бисмаркъ успокоился, отлично понимая, что, послѣ такой операціи, его нѣмцы смогутъ сколько угодно считать себя „свободными гражданами конституціонной страны,“ но въ сущности положеніе ихъ мало будетъ отличаться отъ положенія русскихъ вѣрноподданныхъ.

И такъ, политическая свобода и какая нибудь номинальная „конституція“ не только не синонимы. но часто исключаютъ другъ друга.

Основаніе политической свободы, ея главный моментъ заключается въ свободѣ печати, сходокъ, ассоціацій, въ неприкосновенности лица внѣ судебнаго приговора; словомъ, во всемъ, въ чемъ проявляется и чѣмъ гарантируется *свобода мысли и общественнаго сознанія*, какъ главнѣйшихъ факторовъ общественной, а, слѣдовательно, и политической жизни страны.

Второй моментъ политической свободы состоитъ изъ правъ народа на выраженіе своей воли, въ видѣ ли прямаго народнаго законодательства, или, гдѣ оно затруднительно,

— *законодательства посредственнаго* *). Но сущность дѣла не въ этомъ, а въ самомъ положеніи этихъ двухъ моментовъ политической свободы во всякомъ человѣческомъ обществѣ.

Воля народа, выразившаяся въ какомъ нибудь законѣ, не можетъ отмѣнить или ограничить свободу общественнаго сознанія, точно также, какъ не можетъ отмѣнить самое себя, то есть — право народа на участіе въ законодательствѣ. Если отдѣльное лицо не можетъ отдаться кому нибудь въ рабство, то тѣмъ менѣе можетъ сдѣлать это народъ за себя и за будущія поколѣнія. *Политическая свобода*, въ обоихъ своихъ моментахъ, *стоитъ выше закона*, — вотъ въ чемъ существенный признакъ ея. Она дѣлаетъ всякій законъ, направленный противъ нея, ничтожнымъ, такъ какъ права, на которыхъ она основана, суть естественныя, поэтому неотъемлемыя права человѣка.

Когда въ 48-мъ году въ англійскомъ парламентѣ зашла рѣчь о французской революціи, то умѣренно-либеральный Кобденъ сказалъ: „если бы и у насъ нашлось правительство достаточно глупое и преступное, чтобы предложить законъ противъ мирнаго собранія гражданъ, то и мы взялись бы за оружіе.“ Не нужно, значитъ, быть С. Жюстомъ или Александромъ Соловьевымъ, — нужно лишь сколько нибудь сознавать себя человѣкомъ, чтобы считать посягательство на политическую свободу не закономъ, а преступленіемъ, на которое народъ всегда долженъ отвѣчать возстаніемъ.

Но теперь вопросъ: каковъ болѣе цѣлесообразный способъ возстанія? Говорить народу, особенно русскому, о не-

*) Прямое народное законодательство существуетъ, напримѣръ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи. Здѣсь самъ народъ, непосредственно, принимаетъ или отвергаетъ законъ, предложенный ему Кантональнымъ Совѣтомъ. Этотъ послѣдній (Kantonsrath) имѣетъ право только вырабатывать и предлагать народу новый законъ. При этомъ и самъ народъ не лищенъ права законодательной иниціативы. Если 5,000 гражданъ изъ всѣхъ, имѣющихъ право голоса, внесутъ въ Кантональный Совѣтъ проэктъ какого нибудь закона, то этотъ проэктъ долженъ быть представленъ народу, безъ всякихъ измѣненій.

Законодательство посредственное, т. е. парламентаризмъ, есть, конечно, менѣе совершенное выраженіе общественной воли. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ волей самого народа, а съ волей его представителей.

Государственная

обходимости добыть себѣ возстаніемъ политическую свободу, — не напоминаетъ ли это доктора филистера, который совѣтовалъ больному, умирающему отъ холода и голода: „въ холодное время теплѣй одѣваться и хорошею пищей питаться“? Нужно ли удивляться, если такіе совѣты проходятъ безслѣдно?

Но тогда гдѣ же выходъ? что это за возстаніе безъ народа? спросятъ насъ. — Отвѣтъ оказался проще, чѣмъ думали. Исторія натолкнула на него Россію и указала выходъ въ *террористической революціи.*

Если нельзя представить себѣ цѣлый народъ въ состояніи потенціальной революціи, готовой вспыхнуть при первой необходимости, то у всякаго народа, не развращеннаго окончательно, всегда найдется группа людей, достаточно самоотверженныхъ и энергичныхъ, чтобы, организовавшись въ террористическое общество, защищать свою родину отъ преступленій деспотизма.

Революція должна стать системой, выразиться въ осмысленномъ учрежденіи, должна внушить тиранамъ увѣренность, что, вслѣдъ за всякимъ посягательствомъ на неотъемлемыя права народа, послѣдуетъ месть и кара. Тогда только прочно установится въ странѣ политическая свобода и устранится самая возможность деспотизма.

Республиканскій Римъ, безпощадно свергавшій съ Тарпейской скалы каждаго, кто посягалъ на его политическую свободу, былъ воплощеніемъ терроризма. Въ настоящее время, когда свободѣ приходится вести не оборонительную, а наступательную борьбу, — когда терроризмъ является революціей, самыя формы его должны быть иныя; и мы видимъ, что онъ проявляется въ формѣ современныхъ политическихъ убійствъ.

Мы увѣрены, что если всѣ политически несвободные народы подымутъ съ правительствами террористическую борьбу въ томъ видѣ, какъ она началась въ Россіи, то черезъ нѣсколько времени отъ деспотизма останутся одни воспоминанія. Современнымъ обществамъ некогда уже затягивать борьбу изъ-за политической свободы на цѣлыя столѣтія: у нихъ есть другіе, наболѣвшіе вопросы, давно ждущіе

разрѣшенія, для которыхъ политическая свобода является только средствомъ.

III.

Все это очень просто и ясно. Но, къ несчастью, на пути исторіи встрѣчается слишкомъ много мусора, и движеніе ея рѣдко совершается прямымъ путемъ здраваго смысла. Мусоръ этотъ составляютъ, сплетаясь и перекрещиваясь, различные роды и виды рутинерства.

Прогрессивный рутинеръ и самъ не прочь повздыхать объ идеалахъ, во имя которыхъ борются террористы, но многое ему кажется непринятымъ, страннымъ. „Терроризмъ," „Исполнительный Комитетъ"..... онъ придвигаетъ исторію, ищетъ, роется, перебираетъ;—нигдѣ между обломками, покрытыми исторической плесенью, террористическая революція прямо не упоминается. Ясно дѣло: исторія этому не „поучаетъ," слѣдовательно, „физіологически, пожалуй, объяснимо, но нечисто, безнравственно и посему зловредно." объявляетъ рутинеръ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Нѣмцы, и здѣсь прежде другихъ, подняли знамя рутины.

Еще до г. Драгоманова, нѣмецкій соціалистъ и депутатъ Бебель, которому также „деревья помѣшали видѣть лѣсъ," не замѣтивъ за политическими убійствами новой формы революціи, сталъ увѣрять Рейхстагъ, что это вовсе и не революція, а такъ какое-то чудище обло и озорно, въ которомъ онъ, Бебель, не повиненъ.

Картина была интересна, но до того унизительна, что товарищъ Бебеля, Гассельманъ, устыдившись за нѣмецкую народную партію, отъ имени которой говорилъ Бебель, тутъ же протестовалъ и заявилъ, что онъ (и не онъ одинъ) считаетъ дѣло русскихъ террористовъ дѣломъ всѣхъ народовъ, стремящихся къ свободѣ и жалѣетъ только, что въ Германіи, гдѣ есть много близорукихъ людей, въ родѣ Бебеля, нѣтъ такихъ энергичныхъ борцевъ за свободу, какъ русскіе террористы. Положимъ, Бебель печатно отрекся потомъ отъ своихъ словъ; но интересна здѣсь не эпизодическая сторона.

Замѣчательно то отсутствіе умственной иниціативы и способности къ послѣдовательному мышленію; та трусость предъ новымъ путемъ и оригинальнымъ средствомъ; заботливость о соблюденіи прежде всего благолѣпія и солидности своей персоны предъ идоломъ человѣческой глупости, въ которыхъ рутинеръ „весь, какъ намалеванъ," и которыя такъ рѣзко сказались въ препирательствѣ Бебеля съ Гассельманомъ — со стороны перваго; а въ полемикѣ г. Драгоманова съ „Голосомъ"—какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Впрочемъ, спѣшимъ оговориться. Мы не будемъ смѣшивать г. Драгоманова съ „Голосомъ." Такое смѣшеніе было бы несправедливо. Сходятся они въ отрицаніи терроризма, какъ средства добиться политической свободы; да еще, пожалуй, въ не совсѣмъ ясномъ, особенно у „Голоса," пониманіи самой политической свободы, которая является у нихъ чѣмъ-то зависящимъ отъ доброй воли законодателя, — чуть не „подчиненіемъ чиновниковъ закону,"—во всякомъ случаѣ простымъ улучшеніемъ существующихъ порядковъ, а не свободой общественнаго сознанія и народной воли, стоящей *выше всякаго закона.* Затѣмъ, разница между ними громадная. Г. Драгомановъ человѣкъ во всякомъ случаѣ честный и не всегда говорящій несообразности, тогда какъ „Голосъ"... но о „Голосѣ" потомъ. А теперь займемся статьей „Терроризмъ и Свобода."

Услѣдить послѣдовательно за мыслями г-на Драгоманова, при той непослѣдовательности, которую онъ мѣстами проявляетъ, нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Мы остановимся поэтому только на существенномъ, да и изъ существеннаго только на томъ, что прямо касается терроризма. Однако мы не въ правѣ оставить безъ вниманія перваго пункта его статьи: онъ придаетъ ему слишкомъ большое значеніе.

Г. Драгомановъ обидѣлся, видите-ли, на „Голосъ," съ какой стати тотъ причислилъ его къ одной изъ русскихъ партій, и проситъ всѣхъ и каждаго помнить разъ на всегда, что онъ ни къ какой русской партіи не принадлежитъ и принадлежать не желаетъ: онъ малоросъ и все русское ему чуждо.

Какая, подумаешь, гордость!

Представьте себѣ, г. Драгомановъ, что все сознательное, родившееся на обширномъ пространствѣ отъ Перми до Тавриды, послѣдовало Вашему примѣру. Одни сказали: мы Великорусы, и все россійское намъ чуждо; другіе — мы Малоросы, и все россійское намъ чуждо; третьи — мы Поляки, и все россійское намъ тоже чуждо и т. д.

Какъ Вы думаете, какъ отразилось бы это всеобщее „моя хата съ краю“ на освобожденіи Россіи?

Мы, право, не будемъ удивлены, если эта національная нетерпимость наведетъ читателя на такого рода размышленія: „Г. Драгомановъ или не стоитъ въ уровень съ временемъ по давно уже рѣшенному и ясному для передовыхъ людей вопросу о національной исключительности, или это рѣшеніе ему извѣстно, но національная исключительность есть idée fixe у него, а гдѣ есть idée fixe, тамъ трудно ждать трезвой логики.

Но оставимъ всѣ эти соображенія и перейдемъ къ занимающему насъ предмету.

Говоря о терроризмѣ, г. Драгомановъ начинаетъ съ того, что „ни одно изъ надѣлавшихъ въ послѣднее время шуму въ Россіи и Европѣ покушеній и убійствъ, кромѣ убійства ирландскаго лорда Лейтрима, ни съ какими явленіями соціальнаго характера прямаго соотношенія не имѣетъ.“ Затѣмъ, напомнивъ, что соціалисты борются собственно съ капиталомъ и, спросивъ съ недоумѣніемъ, „а что значитъ въ этой борьбѣ не только одна, но и всѣ коронованныя головы?“ авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ русской террористической борьбы.

„По газетнымъ извѣстіямъ о дѣлѣ Ковальскаго, говоритъ онъ, выходило, что это былъ первый случай, когда мирные россіяне отважились систематически оборонять себя и свой домъ отъ государственныхъ злодѣевъ и разбойниковъ, и для всякаго честнаго человѣка, хотя бы онъ былъ и не соціалистъ, не можетъ быть двухъ мнѣній о такой самообороне. Это не то, что тайное убійство шпіона“ „и даже не то, что тайное убійство, хотя бы и на улицѣ, самого шефа тайной полиціи. Тайное убійство можно простить,“ „но прославлять

тайное убійство, ставить его въ примѣръ и систему нельзя. По меньшей мѣрѣ оно станетъ дѣломъ совѣсти тѣхъ, кто его сдѣлалъ.“ „Совѣсть же общественная всегда и вездѣ возстаетъ противъ того, чтобы тайное убійство становилось системою.“

Мы нарочно выписываемъ болѣе сильныя мѣста, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе опровергнуть нападки на терроризмъ. „Другое дѣло, продолжаетъ авторъ, явная самооборона отъ врага своего и — всего общества!“ „Выше самообороны стоить только явное нападеніе на этого врага. А такой лютый врагъ есть тайная полиція, постыднѣйшая изъ опоръ, на которыхъ держится царское самодержавіе.“—Послѣднее нѣсколько удивляетъ, такъ какъ здѣсь, въ сущности, авторъ самъ себя опровергаетъ. Но что же дѣлать: „съ одной стороны нельзя не признать, а съ другой нельзя не замѣтить“ — это отличительная черта разбираемой брошюры.

Дальше авторъ или вовсе не касается терроризма, или повторяетъ старое съ новыми варіаціями; и послалши на стр. 10 новый комплиментъ Исполнительному Комитету, „иллюзій“ котораго относительно значенія будущаго Земскаго Собора онъ не раздѣляетъ,—предлагаетъ въ заключеніе свою, въ нѣкоторомъ родѣ, программу дѣйствія. О ней мы скажемъ нѣсколько словъ впослѣдствіи, а теперь начнемъ ab ovo.

Итакъ, Вы утверждаете, г. Драгомановъ, что русское террористическое движеніе „ни съ какими явленіями соціальнаго характера прямаго соотношенія не имѣетъ.“ Мы склонны думать, что этого же взгляда не былъ чуждъ и царь, когда открылъ своимъ „вѣрнымъ подданнымъ,“ что это просто крамола, подлежащая искорененію. Но въ такомъ случаѣ позвольте задать Вамъ вопросъ изъ иной, не политической области: Какъ Вы думаете, какое „соотношеніе имѣетъ“ пшеница, напримѣръ, къ булкѣ, которая изъ нея испечена? Оставаясь вѣрны своему методу, Вы должны отвѣтить: „прямаго соотношенія не имѣетъ, потому что то булка, а то пшеница.“ Но намъ придется возразить, что булка есть та же пшеница, только въ иномъ, годномъ для употребленія, видѣ.

Замѣтьте же: террористическая революція есть ничто иное, какъ острое проявленіе ненормальностей соціальныхъ отношеній въ Россіи. Таково „прямое соотношеніе,“ то есть таковы причины терроризма.

Что же касается его значенія, его послѣдствій, то и здѣсь нашъ авторъ не измѣняетъ себѣ: онъ, какъ мы видѣли, не признаетъ его *соціальнаго* значенія, хотя политическаго не отрицаетъ.

Знаете ли, г. Драгомановъ, пора перестать въ этихъ вопросахъ придавать особенную важность рубрикамъ школьныхъ тетрадокъ и смотрѣть на общественную жизнь, какъ на нѣсколько отдѣльныхъ ящиковъ, гдѣ въ одномъ — политическія спеціи; въ другомъ, совершенно отдѣльномъ — соціальныя и т. д.

Вы спрашиваете, какое значеніе для уничтоженія соціальнаго рабства могутъ имѣть нѣсколько коронованныхъ головъ? Не знаемъ, можетъ быть; съ точки зрѣнія рутинныхъ словопреній и умѣстенъ подобный вопросъ, но для реальнаго прогресса здѣсь и вопроса быть не можетъ. Въ дѣлѣ полнаго соціальнаго освобожденія человѣчества политическая свобода, какъ мы объяснили ее выше, и *республика* суть первые шаги, безъ которыхъ остальные невозможны. Такова реальная, неметафизическая точка зрѣнія въ этомъ дѣлѣ, и для нея существованіе вѣнчанныхъ вампировъ, — королей и царей, вещь далеко не безразличная.

Дальше Вы говорите о личной самообороне и общественной защитѣ, (терроризмѣ), при чемъ вторую называете *тайною*, желая самымъ названіемъ отнести ее къ чему-то нечистому. — Ковальскій защищалъ свою квартиру съ оружіемъ въ рукахъ противъ злодѣевъ и разбойниковъ; объ этомъ, совершенно вѣрно замѣчаете Вы, между честными людьми не можетъ быть двухъ мнѣній. Но вотъ нашлись люди, которые сдѣлали обобщеніе и захотѣли поразить одного изъ главныхъ виновниковъ гибели не одного только Ковальскаго; — которые рѣшили нанести ударъ самой системѣ злодѣйства, опутавшаго Россію, словомъ, съ личной точки зрѣнія перешли на общественную;—„это уже нечисто,“ говорите Вы.

Право необходимой обороны отдѣльнаго лица—по Вашему вещь похвальная, а противъ святаго права необходимой обороны цѣлаго народа „возстаетъ общественная совѣсть!“

На этотъ разъ, г. Драгомановъ, вотъ что мы скажемъ Вамъ. На общественную совѣсть, которая „всегда возстаетъ“ противъ защиты народа, защитники его — терротисты имѣютъ право не обращать ровно никакого вниманія. Это совѣсть общества, представители котораго — Александры II-е, Тотлебены, Толстые, люди съ интересами, враждебными народу, и если ихъ „совѣсть“ и возстаетъ противъ террористовъ, то это вполнѣ естественно. А вотъ что Вы не съумѣли отрѣшиться отъ взглядовъ этого „общества,“ и рѣшились взглянуть на терроризмъ сквозь ихъ нравственную призму, это очень и очень грустно.

Въ виду нападокъ на терроризмъ именно съ его нравственной стороны, мы считаемъ не лишнимъ сказать и по этому поводу нѣсколько словъ, пользуясь опять наглядным методомъ. Спустимтесь, господинъ Драгомановъ, въ „сѣдую глубь вѣковъ“. Возьмемъ какое нибудь покушеніе съ цѣлью спасти родину—возьмемъ хоть бы покушеніе Муція Сцеволы. Не правда ли, возвышенный, даже геройскій подвигъ? — до того безспорно нравственный, что прославляется даже въ дѣтскихъ учебникахъ.

Но вотъ мы въ предѣлахъ прозаической современности. Предъ нами шайка негодяевъ, эксплуатирующая голодную и нищую Россію, — закружившаяся въ дикой оргіи на почвѣ, обрызганной кровью лучшихъ людей; — а во главѣ ея царь, лишенный сердца и разсудка, поставившій своей цѣлью — душить все, что проявляетъ признаки жизни. Общественная жизнь выдвинула людей, которые рѣшили избавить Россію во чтобы то ни стало отъ тирана; — что же скажете Вы объ этомъ? — „Безнравственно“, отвѣчаетъ Ваша статья.— Въ одномъ случаѣ — возвышенно, а въ другомъ, совершенно такомъ же — нечисто. Нечисто потому, что „не принято“; безнравственно потому только, что происходитъ у Васъ на глазахъ, среди обстановки, къ которой Вы привыкли прилагать узкій критеріумъ домашняго обихода!

Нѣтъ, господинъ Драгомановъ, если главная цѣль Ва-

шей дѣятельности этого рода „невинность“ соблюсти, то Вамъ не слѣдовало пускаться въ область политики и народнаго освобожденія. Здѣсь иныя цѣли, иной и критеріумъ. Здѣсь приходится для блага родины приносить въ жертву чужую жизнь, да по пути не перемопиться и со своею. Здѣсь, кто беретъ на себя смѣлость судить о такихъ историческихъ фактахъ какъ революція,— все равно массовая или террористическая,— долженъ умѣть отрѣшиться отъ условной морали и возвыситься до естественныхъ законовъ справедливости и нравственности. А съ точки зрѣнія этой, высшей справедливости, всякая революція, какъ средство освобожденія народа, безусловно нравственна, — нравственна уже потому, что впервые даетъ народу возможность жить нравственной жизнью.

Нравственность внѣ свободы немыслима. Подъ давленіемъ деспотизма есть подчиненіе, есть лицемѣріе, продажность, но нравственности нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ нѣтъ свободнаго выбора и самоопредѣленія личности. Развитіе общества и благосостояніе націи бываютъ также слѣдствіями цѣлесообразной революціи. А въ соціальномъ смыслѣ *нравственно только то, что способствуетъ свободѣ, развитію и матеріальной пользѣ общества.* Все, враждебное этому, безнравственно, и подлежитъ уничтоженію со стороны каждаго сознательнаго человѣка. Но это не все.

Каждый членъ общества, во имя той же нравственности, долженъ стараться, чтобы жертвы и страданія, выносимыя народомъ во время революціи, были сведены *къ минимуму*, и не пропадали даромъ, т. е. чтобы революція достигла своей цѣли *въ возможно большей степени*; кромѣ того она должна устранить самую возможность повторенія въ будущемъ явленій, которыя были причиною народныхъ страданій. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывать, что уступки свободѣ дѣлались и дѣлаются въ исторіи только *подъ вліяніемъ страха* тирановъ передъ историческимъ движеніемъ. Слѣдовательно, только въ этомъ народъ можетъ искать предохранительнаго средства противъ посягательствъ деспотизма.— Таковы основанія для нравственной оцѣнки революціи. И если мы сравнимъ, напримѣръ, революцію массовую, (на которую

Вы намекаете дальше) какъ средство добиться политической свободы, съ революціей террористической, т. е. съ системой политическихъ убійствъ, то не трудно убѣдиться, какому виду слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

При массовой революціи гибнутъ лучшія силы народа, гибнутъ солдаты, тогда какъ самые виновники зла спокойно наблюдаютъ за ходомъ борьбы и въ критическую минуту улепетываютъ съ задняго крыльца, какъ сдѣлалъ Людовикъ-Филиппъ, или остаются на своемъ мѣстѣ, надѣвъ временно овечью шкуру, но готовые при первой возможности сбросить ее и снова приняться за прежнее ремесло.— Иногда это по истинѣ стихійныя траги-комедіи, гдѣ кровь невинныхъ льется рѣками, а результаты тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ больше ея пролито и чѣмъ болѣе утомился народъ.

Совсѣмъ не то революція террористическая. Здѣсь, если и пострадаютъ нѣсколько невинныхъ людей, какъ случилось съ солдатами при взрывѣ Зимняго дворца, то это простой casus belli; самый же терроризмъ направляетъ свои удары противъ дѣйствительныхъ виновниковъ зла.— Устраняя сопряженныя съ массовой революціей народныя страданія, онъ кристалпзуетъ, такъ сказать, смыслъ переворота, дѣлаетъ его доступнѣе общественному сознанію и воспитываетъ въ народѣ презрѣніе и ненависть къ деспотизму. Этому не мало способствуетъ само правительство: оно, по привычкѣ, усиливаетъ свои неистовства, — безцѣльныя, даже вредныя для него, но къ которымъ склонно въ такихъ случаяхъ все дикое, необузданное, безсмысленное.

Правда, какъ все новое и небывалое, террористическая революція производитъ на первыхъ порахъ нѣкоторое смятеніе и въ обществѣ; но вотъ лучшая часть общества поняла въ чемъ дѣло; смятеніе смѣнилось насмѣшками и злобой, обращенными къ деспоту и сочувствіемъ къ революціи; — и исходъ ея почти обезпеченъ: онъ зависитъ теперь *только* отъ ума и энергіи ея дѣятелей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ — и это самое главное — при терроризмѣ, какъ системѣ, совершенно измѣнится положеніе представителей самодержавія.

Съ точки зрѣнія здравой общественной нравственности

устраненіе людей, низводящихъ цѣлый народъ на степень стада, чтобы легче эксплуатировать и оскорблять его,—есть обязанность, налагаемая законами естественной справедливости на каждаго, въ комъ сохранилось еще хоть капля неизвращеннаго рабствомъ смысла и человѣческаго достоинства.

Изъ роскошной, животно-покойной жизнь тирана обратится въ мучительную, полную трагизма жизнь, въ родѣ той, какую влачитъ на нашихъ глазахъ русскій царь, дрожа каждую минуту за свое преступное существованіе. И нигдѣ не встрѣтитъ онъ слова состраданія; каждый, глядя на эти макбетовскія терзанія, скажетъ со злобою; „по дѣломъ вору и мука!“ Прибыльность царскаго ремесла станетъ сомнительной.

Таковъ разумный путь народнаго освобожденія. — C'est une révolution vraiment scientifique, какъ выразился одинъ французъ о русскомъ терроризмѣ. Поймите же это и не забывайте господа! Помните, что террористическая революція, безусловно нравственная по своимъ цѣлямъ,—по средствамъ, къ которымъ она прибѣгаетъ, разумнѣе, гуманнѣе и, слѣдовательно нравственнѣе даже революціи массовой.

Разсмотрѣвъ терроризмъ съ точки зрѣнія „чистоты средствъ,“ мы не станемъ утомлять себя и читателей разборомъ другихъ образцовъ глубокомыслія и послѣдовательности, которыми преисполнена небольшая, въ сущности, статейка г. Драгоманова. Даже на „иллюзіи по соціально-демократическому вопросу“ не обратимъ вниманія, тѣмъ болѣе, что по этому вопросу мы намѣрены сказать нѣсколько словъ „Голосу“. Перейдемъ прямо къ заключенію и заключительному предложенію г. Драгоманова.

Вотъ что говоритъ авторъ „Терроризма и Свободы“ на стр. 11 своей статейки.

„Мы думаемъ, что политическія убійства, отложивъ даже въ сторону ихъ нравственныя неудобства (дались же ему эти „удобства“!), имѣютъ только отрицательное значеніе: они унижаютъ правительство, но не ниспровергаютъ его (а развѣ ниспроверженіе не „отрицательное“ явленіе?) Вывести Россію на новую дорогу можетъ по нашему мнѣнію только открытое нападеніе (здѣсь то же нападеніе является уже „положительнымъ“, еще и проводникомъ на „новомъ пу-

ти“!) на ея политическій строй, нападеніе словомъ и дѣйствіемъ со стороны правильно организованныхъ политическихъ обществъ, составленныхъ изъ людей гражданскихъ и военныхъ, по всѣмъ ея областямъ, среди всѣхъ ея народовъ“.

Г. Драгомановъ не соглашается съ „авторами петербургскихъ прокламацій“, что свободу можно добыть терроромъ. Почему? Потому..... результаты будутъ только отрицательные! — Какая, право, рутинная аргументація!

Когда въ началѣ настоящаго вѣка во Франціи собирались строить желѣзныя дороги, то „знаменитый“ Тьеръ оспаривалъ ихъ, доказывая, что это неосуществимая затѣя, потому — „колеса не будутъ вертѣться“. Адвокатъ-рутинеръ былъ, конечно, сущій профанъ въ инженерномъ искусствѣ, но нужно же было придумать какое нибудь „достаточное основаніе“ противъ, нигдѣ въ благоустроенномъ государствѣ не принятаго, новшества; вотъ онъ и пустилъ „колеса не будутъ вертѣться“. А у нашего автора въ роли того же „основанія“ являются „отрицательные результаты“.—Какъ же Вы упустили изъ виду, г. Драгомановъ, что различіе между отрицательными и положительными результатами совершенно условно и объективнаго значенія не имѣетъ. Мы можемъ одно и то же понятіе выразить положительно и отрицательно. Можемъ сказать, что человѣкъ сытъ или не голоденъ; глупъ или не уменъ. Если хотите, самую формулу прогресса можно выразить отрицательно, какъ уничтоженіе произвола и эксплуатаціи во всѣхъ видахъ.

Если же для Васъ покажутся не вполнѣ ясны и не достаточно убѣдительны эти доводы простаго здраваго смысла, тогда вспомните изъ Гегеля знаменитое и абстрактное до смѣшнаго „бытье и не бытье тождественны“, но только поймите смыслъ его.

А теперь скажите, можно ли на такомъ *отрицательномъ* основаніи строить отрицаніе терроризма? Вѣдь выходитъ, что результатовъ его Вы не отрицаете, а только покрываете ихъ какимъ-то туманомъ, которымъ окрашиваете и свое заключительное предложеніе, гдѣ предлагаете „вывести Россію на новую дорогу“.—Что Вы хотите сказать этимъ „открытымъ нападеніемъ“? Если здѣсь нужно видѣть массовую революю-

цію, то считаете ли Вы возможнымъ и резоннымъ поднять русскихъ простолюдиновъ на борьбу изъ за политической свободы,— при ихъ исторической оторванности отъ интеллигенціи, при ихъ жизни впроголодь и тяжелой борьбѣ изъ за куска хлѣба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, какъ политическая свобода!

Но тогда, неужели трудно понять, что всѣ Ваши „гражданскіе и военные люди“, всѣ „народы“ сводятся въ сущности къ интеллигенціи? Она, эта интеллигенція обязана, да, *обязана* вынести на своихъ плечахъ политическую свободу въ Россіи, пользуясь терроромъ какъ средствомъ.

Но Вы отрицаете терроризмъ, вслѣдствіе его „нравственнаго неудобства“. Что же тогда остается отъ Вашей „программы дѣйствія“ послѣ такого отрицанія и самоотрицанія? — „Чистыя средства“, „безусловно чистыя средства“, „нравственное удобство“, словомъ, „горѣ имѣешъ сердца“!

И намъ слышится уже дружный, хоровой отвѣтъ „имамы ко Господу!!“ — при чемъ самъ плутоватый Лорисъ съ синклитомъ съ улыбочкой и благодарностью подтягиваетъ этому хору.

А выводъ отсюда вотъ какой.

Съ нравственнымъ компасомъ и разнообразіемъ багажа, годными только для домашней жизни, не слѣдуетъ пускаться въ открытое море народнаго освобожденія; а то не замѣлите, какъ очутитесь на буксирѣ у царскихъ прислужниковъ.

IV.

Переходимъ къ „Голосу,“ къ которому не станемъ, конечно, обращаться и съ тѣмъ немногимъ, съ чѣмъ обратились къ г. Драгоманову.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, „Голосъ“ и ему подобные? Что такое эти люди, покрытые либеральнымъ лоскомъ, изрѣдка фрондирующіе, но обыкновенно беззастѣнчиво лгущіе и извращающіе мысли и дѣйствія, направленныя къ дѣйствительной пользѣ народа; словомъ, что такое русскій либералъ? — Въ Англіи и во Франціи, особенно въ первой,

либералъ — сила. Въ Германіи онъ уже — ничто: „Sie sind zu spätt gekommen," говоритъ Энгельсъ. Русскій же либералъ готовъ всплыть на поверхность еще позже нѣмецкаго: русскій либералъ — *ничто въ зародышѣ.* Онъ сравниваетъ себя съ либераломъ англійскимъ, но „не для меня, увы, сіяетъ свѣтило ясное съ небесъ!" вздыхаетъ онъ и старается проявить себя, чѣмъ можетъ.

Онъ становится на ходули, прикидывается, будто можетъ уже изъ партіознаго принципа продѣлывать гадости; но не вѣрьте ему: онъ пресмыкается, напримѣръ, просто, видя насупившіяся брови властей предержащихъ, — лжетъ, просто, страха ради іудейска.

„Голосъ" разсказываетъ въ своей статьѣ басню, гдѣ сравниваетъ себя и, вообще, русскихъ либераловъ съ трудолюбивыми муравьями, которые работали и работаютъ для будущности своей родины.

Вотъ оно какъ! Такъ послушайте же, господа, мы воспользуемся случаемъ и разскажемъ вамъ одну народную басню. Плыло по морю свѣжее яблоко. Откуда ни возьмись, рядомъ съ нимъ — навозъ. Прибило ихъ волной къ берегу, а часовой, шагавшій тутъ, и окликаетъ: „Кто тамъ?"— *Мы,* яблоки, — съ апломбомъ отвѣчаетъ навозъ. „Мы — трудолюбивые муравьи!" кричитъ „Голосъ". „Мы — соль русской земли!" „Мы — сила прошедшаго и будущаго!" — Хороша, нечего сказать, сила!

И вы грозите раздавить народную партію, такъ что отъ нея и слѣда не останется; у васъ достаетъ наглости оскорблять людей, дѣйствительно страдающихъ за интересы народа? Стыдитесь, жалкіе люди! Сегодня, въ статьѣ о необходимости свободы печати, вы, съ оттѣнкомъ негодованія, намекаете на пытки, практикуемыя въ Россіи надъ политическими мучениками; а завтра, по первому „quos ego!" любаго временщика, вы извиваетесь у ногъ его, инсинуируете, клевещете, забрасываете грязью могилы людей, погибшихъ въ борьбѣ за свободу.—Вы говорите, что сами стоите за свободу „въ интересахъ народа"? — Лжете, лакеи! О васъ сатирикъ вѣрно говоритъ: „грядутъ, грядутъ кабатчики, мѣнялы, желѣзнодорожники и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ ма-

стера.“ Да, вы собираетесь составить собою цвѣтъ и сливки этихъ коршуновъ! Вы предвкушаете улучшеніе политическихъ порядковъ въ Россіи, какъ оздоровленіе соковъ того организма, въ который вы уже вцѣпились слегка, но собираетесь страстно прильнуть, — прильнуть по всѣмъ правиламъ науки и искусства. Но напрасны ваши надежды. Теперь прогрессъ народной жизни приметъ ужъ не то направленіе, какого вы съ замираніемъ сердца ждете. Приходя „слишкомъ поздно,“ вы должны примириться съ своей участью. Въ Россіи буржуазія *должна* отцвѣсть, не успѣвши разцвѣсть; здѣсь прогрессъ съ первыхъ же шаговъ *долженъ* выразиться въ коренномъ измѣненіи экономическихъ отношеній.

Какъ жаль, что вы слишкомъ недальновидны, чтобы понимать законы исторіи. Горе тому классу, который въ такія историческія минуты, какія переживаетъ Россія, оглядывается назадъ! Ему грозитъ нѣчто худшее, чѣмъ библейское обращеніе въ соляной столбъ; онъ самъ роетъ подъ собою могилу.

Террористы говорятъ, что измѣненіе экономической организаціи въ Россіи необходимо, но что оно, по самому свойству захватываемыхъ имъ отношеній, должно быть результатомъ широкой соціалистической пропаганды и общественной самодѣятельности, — словомъ, должно произойти органическимъ путемъ. А вы, во имя чужаго прошлаго, злитесь за это на террористовъ и увѣряете, будто бы они подстрекаютъ народъ къ грабежу и разбою, что выходитъ прямо съ больной головы на здоровую.

Хотите, мы приподымемъ предъ вами слегка завѣсу возможнаго для Россіи будущаго, возможнаго въ томъ случаѣ, если въ настоящее время восторжествуютъ не террористы, не политическая свобода, а „единовластіе,“ передъ которымъ вы пресмыкаетесь и которое съ поразительнымъ тупоуміемъ упорствуетъ въ непониманіи *исторической неизбѣжности* измѣненія политическаго и экономическаго строя Россіи. Измѣненіе это совершится тогда путемъ неестественнымъ. Причины, вызвавшія терроръ политическій, „развиваясь количественно, пріобрѣтутъ качественное раз-

личіе," разразятся терроромъ экономическимъ, терроромъ крестьянъ и рабочихъ, — убійствами помѣщиковъ, фабрикантовъ и мелкихъ чиновниковъ. Исторія, не пропускаемая въ дверь, ворвется въ окна, и путь ея будетъ ужасенъ. Это будетъ уже не политическій терроръ, направляемый интеллигенціей, а стихійная, необузданная сила, которой не предвидятъ еще „правящіе классы," какъ не предвидѣли террора политическаго, но которая замѣтна уже для людей, понимающихъ народную жизнь. Эта сила страшно отомститъ шакаламъ монархіи за ихъ звѣрства, за то, что они обратили жизнь общества въ непрерывную трагедію; а вамъ, спкофанты, — за то, что вы терпѣли и даже поощряли эти звѣрства.

Моря крови будутъ пролиты; но рухнутъ все таки три „основы", — произволъ, тунеядство и изувѣрство, — которыя на нашихъ глазахъ, предчувствуя начало конца, вопятъ, опираясь на висѣлицы, „отечество въ опасности!" и стараются всколыхнуть противъ террористовъ подонки развращеннаго и невѣжественнаго общества!

В. Тарновскій.